

УДК 1(091)

Кабанова Н.Г.

*Академия повышения квалификации и переподготовки работников образования
(г. Москва)*

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ В ПОЗДНИХ ТРУДАХ С.Н. БУЛГАКОВА

N. Kabanova

Academy of Professional Development and Retraining of Educators (Moscow)

THE PROBLEM OF CULTURE AND CIVILIZATION IN S.N. BULGAKOV'S LAST PAPERS

Аннотация. Данная статья посвящена развитию идеологических и философских взглядов великого русского мыслителя С.Н. Булгакова. Взаимодействие таких явлений и категорий, как «культура» и «цивилизация», было очень важной проблемой его творчества. Несмотря на то, что в различных теориях есть множество интерпретаций данных понятий, эта проблема является по-прежнему очень актуальной. Автор привлекает внимание к ключевой проблеме взглядов Булгакова. Цивилизация – это «инструмент», определённые возможности для человеческих творческих способностей и не более. В обществе наиболее сложные и трудные социальные и политические обстоятельства, играющие для нас важную роль, должны принадлежать культуре. Автор статьи проанализировал множество сторон категорий «культура» и «творчество», представленных в книгах Булгакова, включая экономическую деятельность, развитие его взглядов и идей об искусстве, потому что в конце жизни Булгаков возвратился к религии и пересмотрел фактически все свои идеи о мире как таковом.

Ключевые слова: религиозная философия, культура, цивилизация, православие, творчество, искусство.

Abstract. This paper is devoted to extremely complicated evolution of ideological and philosophical views of the great Russian philosopher S.N. Bulgakov. The interaction of such phenomena and categories as 'culture' and 'civilization' was the central issue of his works. In spite of the fact that there are plenty of interpretations of these categories in different theories the problem still holds up-to-date significance. The author focuses on the core of Bulgakov's views which states that civilization is no more than a "tool" for realizing human's creative abilities, whereas more complicated and more important social and political circumstances should be trusted in culture. The author of the paper analyzed many sides of the categories "culture" and "creation" developed in Bulgakov's works, including economic activity, the evolution of his views on art and etc., because at the end of his life Bulgakov returned to religion and revised practically all his ideas of the world as such.

Key words: religious philosophy, culture, civilization, orthodoxy, creativity, art.

Есть «Троица» Рублёва, следовательно, есть Бог.

П. Флоренский

Понятие «культура», имеющее большое количество толкований, в общепринятом понимании как область человеческой деятельности зачастую противопоставляется природе, способной существовать без участия человека. Понятие «цивилизация» восходит по происхождению к античной общественной мысли в значении «государственный»,

«гражданский», получает широкое распространение в эпоху нового времени, когда происходит становление мировой колониальной системы и развитие научного интереса не только к естественным наукам, но и этнографии, археологии, истории различных стран мира. Соотношение понятий «культура» и «цивилизация» в современный период является весьма неоднозначным и активно осмысливается. Глобализация мирового сообщества и стремительное развитие техники и технологий, расцвет массовой культуры и растущая бездуховность, экономическая, политическая и общественная активность стран Азии, Африки, Латинской Америки, в недавнем прошлом являющихся периферией «цивилизованного» Запада, и проблема миграции делают сегодня данную проблему остро значимой и актуальной.

В общественной мысли позиции о соотношении понятий «культура» и «цивилизация» можно условно разделить на две основные группы.

Во-первых, существуют суждения, которые понятие «цивилизация» раскрывают в связи с понятием «культура», зачастую отождествляя оба эти термина (В.О. Ключевский, З. Фрейд, Н.Я. Данилевский, Э. Тайлор и др.). Так, Э. Тайлор указывает в своём труде «Первобытная культура»: «Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле складывается в своём целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» [11, с. 36].

Во-вторых, существует противоположная позиция, в соответствии с которой понятия «культура» и «цивилизация» противопоставляются (Ш. Фурье, И. Кант, О. Шпенглер и др.). Такая точка зрения получила особый импульс после выхода знаменитой книги О. Шпенглера «Закат западного мира», в которой автор говорит о цивилизации как последней стадии разви-

тия культуры. «Культура и цивилизация – вот живое тело душевности и его мумия... Это выросший посреди ландшафта организм и возникший в результате его окостенения механизм... Сущность всякой культуры – это религия; следовательно, сущностью всякой цивилизации является безрелигиозность» [13, с. 381]. Книга была написана автором под впечатлением событий Первой мировой войны, и после её выхода в свет в начале 20-х гг. интерес к ней в мире и в нашей стране был необычайно велик.

Данная проблема в различных аспектах также привлекала внимание Л. Моргана, А. Вебера, Д. Белла, Д. Рисмана, А. Тоффлера, З. Бжезинского, Дж. Гэлбрейта, А. Турена и других. В русской философской мысли вопросы культуры и цивилизации стали весьма актуальны в XIX в. и на рубеже XIX – XX вв., в период становления в России основ индустриального общества. В значительной степени вопросам культуры и цивилизации посвятили свои работы П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен, В.Г. Белинский, Н.В. Гоголь, Н.Я. Данилевский, Н. Бердяев, Д. Мережковский, К.Н. Леонтьев, П. Флоренский, П. Струве, С. Франк, П. Милюков, Ф.А. Степун и другие мыслители. Как отмечал Н. Бердяев, «в нашу эпоху нет более острой темы и для познания и для жизни, чем тема о культуре и цивилизации, об их различении и взаимоотношении. Эта тема об ожидающей нас судьбе» [8, с. 73]. Ф.А. Степун так подчёркивает актуальность проблемы: «Вряд ли мыслим современный философ, которому вопрос культуры и цивилизации не показался бы главным вопросом» [10, с. 29].

Значимость духовной культуры в условиях развития машинной (индустриальной) цивилизации, размышления о путях дальнейшего развития России волновали Сергея Николаевича Булгакова (1871 – 1944), учёного и крупнейшего общественного деятеля. С.Н. Булгаков прошёл слож-

ный путь мировоззренческой эволюции своих взглядов и убеждений. Его труды отражают поиски социальных идеалов «от марксизма к идеализму», а затем к религиозной философии и богословию. Обширное творчество этого плодотворного мыслителя охватывает многие вопросы, актуальные и животрепещущие как для того времени, так и сохранившие свою значимость и сегодня. Одной из таких проблем является вопрос о соотношении понятий «культуры» и «цивилизации». Однако, несмотря на растущее количество публикаций о Булгакове, данный вопрос в творчестве мыслителя является слабо исследованным.

В начале своего творчества С.Н. Булгаков, молодой учёный и преподаватель политекономии, увлечённый марксизмом, горячо верил в прогрессивное будущее, которое виделось ему промышленной, машинной цивилизацией и социально справедливым обществом. Затем, разочаровавшись в марксизме, мыслитель погружается в философию и осознаёт огромное значение веры, нравственности и духовности в познании мира. В глазах Булгакова цивилизация становится лишь необходимым средством для творческих возможностей человека, создающего высоко одухотворённую культуру. Синтез науки, религии и метафизики в творчестве мыслителя способствовал появлению оригинальной теории, посвящённой философии хозяйства. Последний творческий период Булгакова связан с принятием сана священнослужителя в 1918 г. и постепенным переходом к богословскому мировоззрению. Выступая в качестве религиозного философа, Булгаков создаёт, по выражению С.С. Хоружего, «главные плоды творчества в дореволюционный период» [12, с. 5], такие как «Два града», «Философия хозяйства», «Свет Невечерний», «Тихие думы», «Философия имени», «Трагедия философии», а также многочисленные статьи. В этих трудах ав-

тор выражает своё христианское мировопонимание с позиций религиозной философии, зачастую совмещая её с богословием. С середины 20-х гг. творчество мыслителя становится практически полностью богословским; тематика этих работ выходит за рамки данного исследования.

Цель статьи – исследовать проблему соотношения представлений о «культуре» и «цивилизации» Сергея Николаевича Булгакова в поздний философский период его творчества.

В сложное и беспокойное для нашего государства время, в период революционных потрясений, в 1917 г., Булгаков принимает решение посвятить свою дальнейшую судьбу богослужению. Крушение Российской империи и установление советской власти вызвали кардинальные перемены в положении Русской Православной Церкви (РПЦ). Если ранее она находилась под особым вниманием и покровительством самодержавия, то теперь отделение РПЦ от государства, атеистическая и зачастую враждебная позиция советской власти по отношению к церкви и священнослужителям, усилившаяся в годы Гражданской войны, вызывали волнения и ужас среди верующих людей. С.Н. Булгаков, всегда отличавшийся активной общественной позицией, был взволнован, как и многие, такой ситуацией. Вопросы веры как основы духовной культуры особенно остро отразились в его книге «Свет Невечерний», над которой Булгаков работал несколько лет (1911 – 1917). В книге Булгаков пишет: «Нравственность неизбежно разлагается вместе с упадком религии, хотя до времени это и может маскироваться смягчением нравов и поднятием личной годности» [1, с. 75]. Пророческий смысл и горечь этих слов проявят себя в советском обществе уже через некоторое время.

Эта книга прежде всего интересна тем, что представляет собой философско-богословскую систему мировоззрения мыс-

лителя в тот период. Особое внимание в книге отводится месту человека в мироустройстве, природе духовности и творческой деятельности. Булгаков описывает христианское мироустройство, условно разделённое на два основных мира: трансцендентное, недоступное пониманию и познанию человека, ибо там находятся сущность и бытие Бога, и имманентное, где присутствует тварность мира (в т. ч. и человечество). Бог проявляет свою сущность и благодать в имманентном мире через энергийное бытие, и одной из этих энергий является София, Премудрость Божия, проявляющая себя как Свет, Красота, Добро, Любовь, Художество. Впервые к Софии Булгаков обращается в «Философии хозяйства». В книге «Свет Невечерний» он развивает учение о святой Софии, ставшее основным в его творчестве и тщательно изучаемое ранее и сегодня многими исследователями – Лосским Н.О., Зеньковским В.В., Зандером Л.А., Левицким С.А., Лаговским И.А., прот. Иоанном Шаховским, прот. Иоанном Мейендорфом, Лосевым А.Ф., Хоружим С.С., Роднянской И.Б., Аверинцевым С.С., Гаврюшиным Н.К., Саповым В.В., Козырёвым А.П., Резниченко А.И., Вагановой Н.А. и другими [5, с. 9-10]. Замысел «Света Невечернего» Булгаков определяет как философско-художественный, и, по мнению исследователя софиологии Булгакова Вагановой Н.А., в книге автор «решает проблему природы человеческого творчества», раскрывая софийность духовной культуры.

Развивая своё учение о миропонимании, Булгаков напишет позднее в статье «Догматическое обоснование культуры» в 1930 г.: «Человек создан по образу и подобию Божию, и это одновременно есть для него и данность и заданность» [3, с. 637]. Мир дан человеку «не для поглядения», он дан проективно, т. е. в имманентном мире, сотворённом Богом, человек является сотворцом мира, и, следовательно, ему прису-

ще стремление к абсолютному творчеству, по образу Божию. Сама сущность человека и его высшее предназначение проявляются в творческой деятельности.

Что подразумевает С.Н. Булгаков, говоря о творчестве? Мыслитель в своих трудах раскрывает понятие «творчества» как деятельности многопланово. Так, в книге «Философия хозяйства» Булгаков отмечает, что «рядом с миром «естественным» созидается мир искусственный, творение человека» [2, с. 155], который создаёт как бы свой мир, новые блага, новые знания, новые чувства, новую красоту, – человек творит культуру. Насколько же человек свободен в своём творчестве? «Здесь, – подчёркивает Булгаков, – мы подходим к центру интересующей нас проблемы о природе творчества. Очевидно, что человек не обладает всемогуществом, способностью творить из ничего всё, чего захочет. В этом смысле человек вообще не может творить, сам будучи тварью. Если он может творить, то не из ничего, а из созданного уже мира... Творчество в собственном смысле, создание метафизически нового, человеку, как тварному существу, не дано и принадлежит только Творцу» [2, с. 159]. По мнению Булгакова, человек свободен лишь в направлении своих сил, в способе использования своей природы. Человеческое творчество создаёт не «образ», который дан, но «подобие», которое задано. Поэтому творчество – это «синтез свободы и необходимости» [2, с. 238].

В книге «Свет Невечерний» Булгаков развивает свои мысли о творчестве, однако, теперь роль самотворчества в этом процессе он считает уже более значимой. «Человек есть свободный исполнитель своей темы, и это осуществление себя, выявление своей “данности – заданности”, раскрытие своего существа, осуществление в себе своего собственного подобию и есть творчество, человеку доступное» [1, с. 475]. Каждому дано иметь потенциальную абсо-

лютность творчества, но она может быть и не актуальной для человека – в этом состоит трагедия творчества, которую человек не испытывает, если погружён в самодовольство или духовную лень. Булгаков считает, что самотворчество есть напряжённая работа над собой в поисках путей к Богу и смирение как высшее проявление любви. Так раскрывается софийность творчества. «Мы должны творить, религиозно любя то дело, которое делаем, чтобы дела наши были камнями, приносимыми для строительства царства Божия» [2, с. 642]. В противном случае вызов божьей заданности мира, «бунт твари против Творца» приведёт к тому, что «как бы стеклянной стеной замыкает людей в их люциферическом уединении, в горделивой, но бессильной позе вызова» [1, с. 382]. Это – мука творчества, отлучённость от бытия, «надрыв в самой основе тварности», в результате которой рождается «адская гримаса, подобие ада». В дальнейшем, характеризуя искусство, мы вновь вернёмся к данному вопросу.

Гениальность и талант в творчестве Булгаков видит в «способности к духовному вынашиванию всегда иметь перед собой уже заданную тему, которая выполняется с большей или меньшей степенью совершенства... Нужно делать себя, ковать свою жизнь. Вся жизнь человеческая должна стать обретением гениальной темы. Наивысшее достижение на этом пути являются нам святые, которые всю свою жизнь превращают в благоуханный плод духовного творчества» [1, с. 414]. По мнению Булгакова, творчество требует для своего существования двух условий: «наличности, во-первых, замысла, свободы волеизволения и, во-вторых, мощи, свободы исполнения» [2, с. 156], т. е. для того, чтобы творить, нужно не только хотеть, но и мочь. В этом смысле Булгаков понимал и своё рукоположение как важный шаг на пути к духовному самосовершенствованию, заданному Высшими силами.

Вопросы творчества и значимости духовной культуры в быстроразвивающемся индустриальном обществе всегда волновали философа. Если ранее, в начале творческого пути, Булгаков считал, что социальный прогресс есть благо, и он осуществляется производственными силами, то впоследствии прогресс уже виделся ему синтезом науки, метафизики и религии; а позднее, с позиций религиозной философии, вопрос о социальном развитии получает иное толкование. «Близоруким заблуждением является мысль, что в человечестве, просто в силу «эволюции» – времени и прогресса, – усиливается добро за счёт зла» [1, с. 462]. Добро в мире, утверждает Булгаков, преумножается лишь свободным духовным подвигом. Поэтому «обожение человечества никоим образом не может быть достигнуто эволюционным путём» [1, с. 462]. А рубежным моментом истории человечества он считает грехопадение. Нарушение Божьей воли имело множество последствий для человечества, в т. ч. среди наказаний происходит трагическая раздвоенность, вечное борение духа и плоти. Так «открываются два пути для осуществления творческих способностей человека: путь цивилизации и путь творчества (культуры)» [3, с. 638]. По мнению Булгакова, христианская жизнь – это непрерывная борьба человека с миром за духовное существование. Следовательно, цивилизация и культура являются сторонами человеческой жизни и неотъемлемы друг от друга.

Попытаемся рассмотреть представления философа о «культуре» и «цивилизации» в вышеуказанный период. Культура, по мнению Булгакова, это «творческое отношение человека к миру и к самому себе, когда человек в свой труд в мире налагает печать своего духа» [3, с. 641]. Важнейшей составляющей культуры Булгаков считал хозяйство, которое он называет «творческой деятельностью человека над природой» [2,

с. 155]. Признавая за человеком необходимость удовлетворения жизненно важных физиологических потребностей, он сравнивает его положение с жизнью муравьёв, пчёл, животных. Человеческое хозяйство в этом смысле можно рассматривать как частный случай биологической борьбы за существование. Однако в точном смысле слова хозяйственная деятельность свойственна только человеку. «Содержание хозяйственного процесса можно выразить так: в нём выражается стремление превратить мёртвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело, с его органической целесообразностью», – пишет Булгаков в «Философии хозяйства» [2, с. 285]. Очеловечивание природы свойственно только человеку как заданность его существования. В окружающем мире человек впечатлевает свои идеи, ищет ответы на свои вопросы, создаёт технику, проводит эксперименты. Человек образует новый мир культуры, создаваемый в хозяйстве. Но откуда вдруг у человека рождаются замыслы, идеи, «открываются умные образы», видимые «умственными очами» и слышимые «духовными ушами», которые он воплощает в слове, музыке, мраморе, технологиях, научных открытиях? У Булгакова есть ответ на этот вопрос: «Природа человекообразна, она познаёт и находит себя в человеке, человек же находит себя в Софии и через неё воспринимает и отражает в природу лучи божественного Логоса, через него и в нём природа становится софийна» [3, с. 642]. Идею причастности человеческого творчества к Софии, Премудрости Божьей Булгаков продолжает в книге «Свет Невечерний». Он отмечает, что «своим ликом, обращённым к Богу, Она есть его Образ, Идея, Имя. Тварный мир существует, имея в своей основе мир идей, его озаряющий, иначе говоря, он софийен» [1, с. 348]. В софийной красоте, озаряющей мир, спасается человек. Поэтому, по мнению философа, задача культуры –

это «дело богочеловечества, т. е. очеловечение мира и обожение человека» [3, с. 642]. Поэтому хозяйство видится Булгакову как нравственная и духовная область человеческой деятельности, способная дать человечеству возможности для личностного и культурного совершенствования.

Духовная культура является многогранной; важнейшими её составляющими философ называет религию и искусство. Разделяя в этом вопросе точку зрения Н. Бердяева о неразрывной связи религии и культуры, Булгаков отмечает, что «религиозный культ вообще есть колыбель культуры, её духовная родина. Целые исторические эпохи отмечены тем, что все основные элементы культуры были более или менее тесно связаны с культом, имели сакральный характер: искусство, философия, наука, право, хозяйство... Связь культуры с культом есть вообще грандиозного значения факт в истории, требующий к себе надлежащего внимания и понимания» [1, с. 512]. Возникает чувство, что эти слова в книге «Свет Невечерний» были обращены в первую очередь к власти и обществу в надежде быть услышанным... Но чуда тогда не произошло.

Ещё одной важнейшей составляющей духовной культуры С.Н. Булгаков считает искусство. В книге «Тихие думы» он характеризует искусство «наиболее центральным и интимным проявлением культуры» [4, с. 139]. Всякое подлинное искусство, – по мнению философа, – являет красоту и открывает высшую действительность. При этом он подчёркивает, что красота и красивость – это не одно и то же. Красота имеет царственную природу. Она есть духовная, святая, безгрешная чувственность. Булгаков сетует, что огромное количество людей остаются «как бы слепорождёнными», «непробуждёнными» к красоте, отрицают объективный смысл красоты, «способны скучать перед Сикстиной» или за Бетховеном и услаждаться дешёвой олеографией

или слащавым вальсом» [1, с. 13]. Булгаков ставит проблему: что делает то или иное создание из камня, слова или звука предметом высокого искусства? В книге «Свет Невечерний» он даёт следующее решение данной проблемы: «Это есть эротическая встреча материи и формы, их влюблённое слияние, почувствованная идея, ставшая красотой: это есть сияние софийного луча в нашем мире» [1, с. 348]. При этом красота природы и красота искусства имеют одну сущность. Они несут в себе откровение и идею, «весь мир есть постоянно осуществляемое произведение искусства, которое в человеке <...> достигает завершённости, ибо лишь в нём, как царе творения, завершается космос» [1, с. 348]. При этом, в понимании Булгакова, фраза «Красота спасёт мир» означает, что мир станет софией не только творчеством человека, но и творческим актом Бога, так как «красота есть внутренний закон мира, сила мирообразующая, космоургическая; она держит мир, связывая его в статике и динамике, и она в полноту времён окончательной победой своей «спасёт мир» [1, с. 348]. На наш взгляд, Булгаков выражает мысль о том, кистью художника, пером поэта, резцом скульптора движет Божественная сила, и лишь она способна дать «умное видение» действительности в художественных образах и через них открыть истинную, высокую, божественную красоту миру.

Когда же, убеждён Булгаков, происходит упомянутый выше «бунт твари против Творца» и художник (в широком смысле слова) верит в свою самость, уподобляя себя Богу-Творцу, рождаются произведения искажённой, «адской гримасы» действительности. Посетив выставку картин известного художника-кубиста П. Пикассо и пережив сильное мистическое впечатление, Булгаков пишет в статье «Труп красоты»: «Творчество Пикассо... с начала до конца проникнуто чувством нарастающей тоски и ужаса бытия... Это духовность, но

духовность вампира или демона. В творчестве Пикассо выражается религиозная мука и отчаяние. Очевидно, он не видит своей одержимости» [4, с. 33]. Пример творчества Пикассо укрепил убеждение Булгакова в том, что служение искусству не всегда приводит к эстетическому чувству божественной красоты. Несколько позднее, в диалоге «На пиру богов», мыслитель подчеркнёт значимость роли искусства в общественных настроениях. Размышляя о причинах российской революции, он заявляет о том, что искусство предсказывало надвигающуюся трагедию: «Разве не веяло ужасом от этого разлагающего мира, который просвечивал через кубизм и всякий футуризм? Плоть мира, красота её истлевала, исходя в какие-то кошмары и химеры!» [7, с. 332].

Очевидно, что «Серебряный век» русской культуры на рубеже XIX – XX вв. под влиянием кризиса европейского традиционного искусства и поиском новых форм и изобразительных средств обратил внимание не только на светские, но и на религиозные мотивы творчества. Православное искусство, и в том числе иконопись, тоже стало объектом поисков нового прочтения религиозной тематики. Русский религиозный философ П. Флоренский, чье влияние на мировоззренческие идеи Булгакова было очень сильным, написал тогда: «Так, соборный разум Церкви не может не спросить Врубеля, Васнецова, Нестерова и других новых иконописцев, сознают ли они, что изображают не что-то, вообразившееся и сочинённое ими, а некую на самом деле существующую реальность и что об этой реальности они сказали или правду ... или неправду. Тут речь идёт не о том, хорошо или плохо изображена некоторая женщина, тем более, что это «плохо» или «хорошо» определяется намерением художника, а о том, в самом ли деле это Богоматерь. Если же эти художники, хотя бы внутренне, для себя, не могут удостоверить

самотождество изображаемого лица, если это кто-то другой, то не происходит ли здесь величайшего духовного смятения и смущения и не сказал ли художник кистью неправды о Богородице? Искание современными художниками модели при написании священных изображений уже само по себе есть доказательство, что они не видят явственно изображаемого ими неземного образа, да к тому же образ иного порядка, иного мира, был бы помехой, а не подспорьем тому духовному созерцанию» [6, с. 189]. Булгаков в статье «Догматическое обоснование культуры» развивает мысль своего духовного Учителя о том, что Вера и Культ есть духовное средоточие культуры, ибо они делают «невидимое видимым». И только истинная Вера в сердце и душе художника позволит осуществить подлинное таинство иконописи или иного творчества, ибо «искусство всегда интимно» и отражает самые сокровенные идеи и чувства.

К такому убеждению Булгаков пришёл в результате своего живого религиозного опыта, когда – ещё молодому учёному с марксистскими взглядами – в заграничной поездке в Дрезден ему неожиданно явилось событие. Встречу с «Сикстинской Мадонной» Рафаэля описал он в статье «Две встречи»: «Сама Ты коснулась моего сердца и затрепетало оно от того зова... В очах Царицы Небесной была безмерная сила чистоты и прозорливой жертвенности. Это не было эстетическое волнение, то была встреча, новое знание, чудо» [3, с. 628]. Спустя много лет, посещая Дрезден уже верующим человеком, Булгаков поразился перемене: «... я не увидел Богородицы. Здесь – красота, лишь дивная человеческая красота с её религиозной двусмысленностью, но безблагодность... ударили по нервам эти ангелочки и парфюмерная Варвара в притворной позе» [3, с. 629]. Изображение прекрасной земной женщины поразило Булгакова своим натурализмом. Он осознал тогда, что изображение Божественного

в натуралистической человеческой плоти ведёт к религиозному упадку, ведь не случайно аскетическое старинное православное письмо иконописи сознательно отвергало этот натурализм как негодное и неуместное видение сверхприродного мира. Эти взгляды разделяли и другие деятели Серебряного века. Так, например, художник, К.С. Петров-Водкин писал: «А не есть ли блестящее итальянское Возрождение... начало упадка живописи, когда ум, вкус начинают заменять остроту предметного восприятия?» [6, с. 145]. Опыт европейской живописи и культуры в целом вдруг увиделся как фальшивый, искусственный и чуждый для русского мировосприятия и религиозного сознания. Именно тогда многие деятели духовного творчества, и С.Н. Булгаков в их числе, осознали высокую духовность и самобытность русской культуры. Тогда особую актуальность получает вопрос: а что есть цивилизация? как она влияет на духовность и культуру?

Понятие цивилизации в марксистский период творчества Булгаковым рассматривалось как развитие производительных сил, орудий труда, инженерно-технических достижений общества. В результате эволюции мировоззрения уже с позиций религиозной философии его представления о цивилизации существенно меняются, хотя не утрачивают своей «хозяйственной тематики». В книге «Философия хозяйства» цивилизация характеризуется автором как приспособление человека к условиям природной жизни. Первопричину зарождения цивилизации Булгаков видит в ветхозаветной истории грехопадения Человека. Утраченный «райский сад» был «хозяйством» бескорыстного любовного труда для познания и усовершенствования природы. Но нарушение Божьих заповедей прародителями Адамом и Евой повлекло суд Божий, приговоривший человечество к наказанию: «В поте лица своего ты будешь есть хлеб твой, доколе не возвратишься в зем-

лю, из которой взят» [2, с. 462]. Труд становится условием выживания, и «тяжёлый покров хозяйственной нужды ложится на хозяйственную деятельность» [2, с. 171]. Мир становится материальным. Чтобы выжить, человечество совершенствует орудия труда и оружие как средство «лёгкой добычи». Война и насилие становятся привычными способами борьбы за выживание.

Эти идеи получают своё дальнейшее углубление в книге «Свет Невечерний», где Булгаков продолжает развивать своё видение данной проблемы. «Хозяйством создаётся «богатство», «цивилизация» с её наукой, промышленностью, войной, в этом смысле им делается история» [1, с. 10]. Всё хозяйственное имеет сугубо практические задачи и ограничивается интересами земного бытия, «принадлежит плоскости этого мира». Однако человек, побеждая природу, вместе с тем становится жертвой этой победы, всё больше превращается из субъекта в объект управления хозяйства, и победа оборачивается поражением. Приоритет удовлетворения потребительских желаний из необходимости перерождается в смысл жизни, приводит к ограниченности бытия, отмене телесных, волевых и умственных усилий; действительность вокруг видится механической необходимостью; рационализм и атеизм ведут к осознанию всемогущества человека, его разума, к идее Человекобожия. Духовность, нравственность, религия, бескорыстность поступков и радость творчества теряют своё значение в таком обществе. Кем же тогда без них становится Человек?

«Плен плоти» как хозяйственная необходимость и «возвышенность духа», раскрывающаяся в творчестве и искусстве, свойственны человечеству, неотъемлемы друг от друга и взаимосвязаны. Телесное и духовное здоровье создают полноту и гармонию жизни. Сопоставляя в своих трудах хозяйство и искусство, Булгаков, на наш

взгляд, пытается определиться, в какой-то степени, с сопоставлением своих представлений о культуре и цивилизации. «Между хозяйством и искусством существуют одновременно и враждебное отталкивание, и взаимное притяжение, соревнование, даже как бы некая зависть» [1, с. 482]. Искусство относится к хозяйству свысока и презрительно за его расчётливость, утилитарность и «творческую бескрылость». Хозяйство, в свою очередь, видит в искусстве «мечтательное бессилие» и беспомощность перед лицом хозяйственной нужды. «Таков естественный антагонизм между хозяйством и искусством, – пишет Булгаков, – порождение двойственности и незавершённости мира» [1, с. 482]. Однако, относясь к хозяйственной деятельности как к творчеству, человечество одухотворяет свой труд, осмысливает его необходимость как возможность личностного самосовершенствования и тем самым ослабляет это противостояние. «В стремлении искусства стать действенным, а хозяйства художественным, складывается их изначальное единство» [1, с. 482], они становятся разными сторонами целостного жизненного процесса.

Однако этот процесс в реальной действительности оказался весьма иным. По мнению Родзянской И.Б., в мировоззренческих представлениях С.Н. Булгакова «строятся два града, противостоя друг другу: вавилонская башня «мещанской» цивилизации на подножии пантеизма, космопозитизма и антропозитизма (обожествление материи, мира и самообожествление человека), каковой образ у Булгакова раздваивается, обнимая собой наличное царство буржуазности и коммунистическую утопию грядущего, – и религиозно обоснованная творческая культура, имея за предельным трансцендентным заданием одухотворение и преображение вселенной» [3, с. 8]. Своё главное жизненное дело Булгаков определяет как борьбу за одухотворение

культуры и просветление творческой деятельности человека светом православной истины. Эти позиции он будет выражать в своих трудах и эмигрантской жизни.

Таким образом, по мнению С.Н. Булгакова, творческая деятельность человека есть заданность Божьей воли Творца; творчество открывает возможности (потенции) самотворчества, поиск божественного в человеке и одухотворяет необходимость выживания в земном мире. Философ убеждён: есть два пути для осуществления творческих способностей человека: путь цивилизации и путь культуры. «Ещё в Библии отмечены эти два пути – путь рабства миру, путь Каина и каинистов, ковачей и изобретателей орудий, – и путь культуры, путь народа Божия» [3, с. 369]. В религиозном понимании мира Булгаков всё же считает, что между культурой и цивилизацией происходит противостояние. Духовное существование он считает приоритетным для христиан. Цивилизация могла бы овладеть человеком и разрушить его дух. Но наивно было бы считать, что человечество может существовать, отказавшись от материальности жизни. Человек создан быть свободным, и у него есть выбор. Православную веру Булгаков называет путём свободы, так как «благочестие русского на-

рода есть яркий образец победы культуры над цивилизацией» [3, с. 641].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Булгаков С.Н. Свет Невечерний. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. – 640 с.
2. Булгаков С.Н. Собрание сочинений в 2-х томах. – Т. 1. – М.: Наука, 1993. – 528 с.
3. Булгаков С.Н. Собрание сочинений в 2-х томах. – Т. 2. – М.: Наука, 1993. – 751 с.
4. Булгаков С.Н. Тихие думы. Этика. Культура. Софиология. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. – 624 с.
5. Ваганова Н.А. Софиология протоиерея Сергея Булгакова. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. – 464 с.
6. Даниэль С.М. Библейские сюжеты. – СПб.: Художник России, 1994. – 216 с.
7. Из глубины: сборник статей о русской революции. – М.: Астрель, 2009. – 1072 с.
8. На переломе. Философские дискуссии 20-х годов. Философия и мировоззрение. – М.: Политиздат, 1990. – 528 с.
9. Родзянская И.Б. С.Н. Булгаков – публицист и общественный деятель // Булгаков С.Н. Собрание сочинений в 2-х томах. – Т. 2. – М.: Наука, 1993. – С. 3-15.
10. Степун Ф.А. Освальд Шпенглер и закат Европы. – М.: Берег, 1922. – 95 с.
11. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М.: Изд-во политической литературы, 1989. – 576 с.
12. Хоружий С.С. Вехи философского творчества о. Сергия Булгакова / Булгаков С.Н. Собрание сочинений в 2-х томах. – Т. 1. – М.: Наука, 1993. – 3-25 с.
13. Шпенглер О. Закат западного мира. – М.: Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2010. – 1085 с.